

На правах рукописи

Босов Артём Евгеньевич

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА В СВЕТЕ ДАННЫХ
ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2009

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шаклеин Виктор Михайлович,
ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»

кандидат филологических наук, доцент
Петрова Наталия Евгеньевна,
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится «24» сентября 2009 года в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. I).

Текст автореферата размещён на сайте ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»: <http://www.unn.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2009г.

Учёный секретарь диссертационного совета

И.С. Юхнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Принципиальной для настоящего исследования проблемой следует считать следующий парадокс. В течение многих веков человек в процессе коммуникации последовательно не соблюдает обусловленное законами лингвистической прагматики требование *говорить (писать) яснее*. Однако нарушение эталонного правила, провоцируя примитивные речевые ошибки, в итоге не только не приводит к коммуникативному провалу, но и формирует полифункциональные сообщения-компоненты различных дискурсивных практик, с первого взгляда не имеющих между собою ничего общего.

Примерами таких практик можно считать метаязык¹ советской лингвистики и язык современной юриспруденции.

Метаязык науки (и его компонент метаязык лингвистики) неоднократно становился объектом самых пристальных и обстоятельных исследований (О.С. Ахманова, А.Н. Баранов, Н.В. Бугорская, Н.Б. Гвишиани, М.М. Глушко, Ж. Марузо и др.), результатом которых явилось формирование терминоведения как отрасли языкознания (Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин, С.В. Гринёв, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, В.Н. Немченко, В.А. Татаринев, С.Д. Шелов).

В последние годы особенное распространение получили также работы, которые посвящены изучению языка юриспруденции и которые можно подразделить на две большие группы.

К первой группе относятся исследования, выполненные лингвистами и носящие общетеоретический (Н.Д. Голев, Л.Н. Сидорова, С.В. Соколовский), терминологический (Т.М. Балыхина, Т.М. Дементьева, Т.В. Морщакова, С.П. Хижняк), семантико-стилистический, риторический (Т.Ю. Виноградова, С.Ю. Якушин, Т.В. Губаева, Г.В. Кубиц, Л.Е. Попова) и юрислингвистический (М.В. Горбаневский, В.И. Жельвис, О.Н. Матвеева) характер.

Вторую группу составляют те, которые выполнены в границах правоведения. Такие работы крайне дидактичны и ориентированы, главным образом, на то, чтобы помочь юристу говорить и писать правильно. Иными словами, исследования этой группы в функциональном плане напоминают скорее справочные издания, они выполнены преимущественно в рамках стилистики и культуры речи (Ю.И. Алфёрова, Л.Ю. Василенко, Н.Н. Ивакина, А.А. Малышев, А.Г. Решенкин, Н.В. Павлов). Встречаются также и работы юридико-технического характера, посвящённые толкованию юридических документов и правотворческой деятельности (И.Н. Бокова, К.В. Каргин, В.В. Лазарев, А.П. Мазуренко, А.А. Малышев, Ю.А. Тихомиров, Н.И. Хабибуллина, Е.С. Шугрина).

Несмотря на то что изучение языка, обслуживающего административно-правовые отношения, в настоящее время становится приоритетным направлением как для лингвистики, так и для правоведения², существующие

¹ Употребляя термин «метаязык» (его производные) в том или ином контексте, мы следуем за Р.О. Якобсоном и имеем в виду, главным образом, язык «по поводу» другого языка, или язык, описывающих другой язык – созданный либо создаваемый для этой цели.

² Подтверждением этому тезису может служить, в частности, появление в лингвистической науке отрасли, названной Н.Д. Голевым *юрислингвистикой*.

исследования в названной области носят односторонний характер, поскольку всякий раз выбирают для ориентира преимущественную методологию – либо языкознания, либо юриспруденции. Вышеизложенное объясняет необходимость разработки и проведения комплексного дискурсивного анализа как лингвистической, так и юридической практики.

Не представляется возможным назвать завершёнными и разыскания, проводимые в области языка современной лингвистики, так как терминоведение, будучи дисциплиной прикладной и изучая процессы создания, функционирования и упорядочения специальной лексики, тем не менее не решает вопрос экстралингвистический, а именно вопрос о законах построения метаязыкового дискурса.

Таким образом, **актуальность** данной работы определена необходимостью изучения роли человеческого фактора в различных дискурсивных практиках. Предельно важным в современных условиях представляется изучить функционирование языка в таких дискурсивных практиках, которые традиционно считаются либо в малой степени находящимися под влиянием «языковой личности» (наука), либо совершенно обезличенными, техническими (юриспруденция). Именно такие дискурсивные практики в настоящее время, в силу своей индивидуальной и социальной востребованности, оказываются наиболее антропоцентричными.

Формированию основной гипотезы исследования способствовала мысль, высказанная М.М. Бахтиным, а позднее в той или иной форме и другими (например, Р. Бартом и Р.М. Блакаром), о том, что слово как социальный знак есть *идеологический феномен par excellence*.

Гипотеза исследования состоит в том, что дискурсивная реализация терминологизированных средств, относящихся к полярным терминосистемам, выступает как языковое отражение идеологии. Оно не является непременным атрибутом (и тем более своеобразной визитной карточкой) ни времени, ни пространства, поскольку механизм *идеологизации*³ прескриптивен, а потому и не устраняется из общекультурного кода вместе с переменами экономического, политического и иного характера, а сохраняется и трансформируется на лингвогенетическом уровне, являясь одновременно и отличительной чертой, и болезнью данного социума.

Объект исследования составляют терминологизированные средства (далее – терминологические единицы, ТЕ) лингвистической методологии⁴ и ТЕ юридического дискурса, функционирующие в различных стандартизованных

³ Сущности идеологизации, кроме М.М. Бахтина, касались позднее как отечественные (Г.Ч. Гуссейнов, Е.А. Земская, С.Г. Кара-Мурза, В.Г. Костомаров, Н.А. Купина, Б.Ю. Норман, А.М. Селищев, Э.И. Хан-Пира, А.А. Шунейко), так и зарубежные исследователи (Т.А. ван Дейк, А. Вежицкая, В. Клемперер, П. Серно, М. Гловиньски, Д. Вайс, Р. Водак).

⁴ Большая часть ТЕ имеют своим компонентом (или одним из компонентов) следующие термины: «анализ», «аспект», «метод», «объект», «предмет», «приём», «принцип», «процедура», «способ», «средство», однако заметим, что фактическим материалом для данной работы послужили и другие методологические термины языкознания, тесно связанные по семантике со специальными словами и словосочетаниями названной группы.

текстовых документах (разноуровневых правовых актах и судебных решениях)⁵.

Предметом исследования являются логические, лексико-семантические и грамматические особенности функционирования указанных ТЕ в соответствующих дискурсивных практиках.

Цель настоящего исследования – на основе лексического, грамматического и прагматического анализа функционирования ТЕ в современных отечественных лингвистической и юридической дискурсивных практиках выявить сходство и различия названных практик.

Сформулированная таким образом цель логически обуславливает выполнение ряда конкретных исследовательских **задач**:

1. Определить объём и содержание понятия «дискурс»; дать краткую характеристику методологических оснований дискурсивного анализа; объяснить причины использования дискурсивного анализа для достижения поставленной цели исследования.

2. Охарактеризовать функционирование ТЕ в дискурсе советской лингвистической науки, проанализировав его основные черты, реализованные в соответствующей советской метаязыковой практике.

3. Охарактеризовать функционирование ТЕ в современном отечественном юридическом дискурсе, опираясь на особенности реализации его основных признаков в дискурсивной практике.

4. Сопоставить терминосистемы в двух рассмотренных дискурсивных практиках, определив базу общности построения и функционирования двух дискурсов.

Источники исследования подразделяются на следующие группы.

I. Словари русского языка и энциклопедии (9 наименований), а также лингвистические тексты, включающие специальные словари и работы по языкознанию (всего 11 источников, включая работы И.В. Арнольд, О.С. Ахмановой, Ф.М. Березина, Б.Н. Головина, Т.Х. Каде, В.И. Кодухова, И.П. Распопова, Ю.С. Степанова и коллективные труды, такие, как «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой и «Общее языкознание: методы лингвистических исследований» под редакцией Б.А. Серебренникова).

Приложение к диссертационному сочинению содержит материалы для 511 статей, описывающих термины лингвистической методологии.

II. Юридические документы различной «жанровой» отнесённости.

1. Нормативные документы Российской Федерации (11 наименований, в том числе федеральные законы и постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации);

2. Различные судебные решения (решения, приговоры, определения, постановления), вынесенные судами Нижнего Новгорода и Нижегородской области всех инстанций за период с марта 2007 года по декабрь 2008 года.

⁵ Названные единицы юридического дискурса, разумеется, не могут быть полностью охвачены диссертационным исследованием, поэтому нами было принято решение исследовать только ту его часть, которая связана с уголовно-правовыми отношениями.

Всего нами проанализировано около 3500 судебных решений по гражданским и уголовным делам. Количество исследованных судебных решений, принятых при производстве по уголовным делам, составляет около 2500 (из общего числа упомянутых судебных актов).

Языковым **материалом** для анализа послужили 1032 лингвистических и 962 юридических ТЕ, полученных посредством сплошной выборки из указанных выше источников исследования.

Для решения поставленных задач применялся метод дискурсивного анализа, который, являясь особым лингвофилософским методом, включает в свою базу такие лингвистические **методы** исследования, как дистрибутивный, компонентный, количественный, моделирования, описательный, опроса, семантико-стилистический, сопоставительный. Все перечисленные методы использованы нами в части, согласующейся с методом логического анализа языка, методом деконструкции и методом дискурсивного анализа, разработанными в рамках постструктурализма.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём не только впервые в практике научного исследования предпринята попытка контрастивного дискурсивного анализа отечественной металингвистической и юридической практики, но и выявлены общие для обоих, казалось бы, *разнополюсных*, дискурсов способы оперирования с языком. Научная новизна исследования заключается также и во включении в практику лингвистического анализа нового эмпирического материала – текстов судебных решений. Обращение к подобного рода материалу позволило не только дать исчерпывающую лингвопрагматическую характеристику одной из наиболее антропоцентричных современных дискурсивных практик, но и более детально дефинировать межотраслевые научные понятия (идеологизация, манипуляция, дезинформация), а также определить глубину конфликтности различных текстов, разработать методику её определения, обосновать операциональную единицу анализа (конфликтность).

Новые знания о лингвистической и юридической терминологии были получены посредством реализации традиционных методов языкознания в рамках дискурсивного подхода.

Диссертационное исследование имеет **теоретическую значимость**, поскольку вносит вклад как в общую теорию дискурсивного анализа, так и в изучение различных дискурсивных практик советского и российского периодов, формулирует и раскрывает основные положения юрислингвистики и лингвистической конфликтологии, уточняя ряд базовых для них понятий (агрессия, дезинформация, идеологизация, конфликтность, манипуляция, суггестия).

В частности, в диссертации обоснована методология дискурсивного описания феноменов научной и официально-деловой речи, сформулированы основные принципы такого описания. Методологическим основам исследования соответствует многоаспектная комплексная методика, ведущее место в которой отводится методу контрастивного дискурсивного анализа.

Теоретическая значимость диссертационного сочинения заключается также в разработке логико-понятийного аппарата лингвистической прагматики, семиотики, юрислингвистики и лингвистической конфликтологии (в ходе исследования автором рассмотрены и охарактеризованы дискурсивные механизмы процессов номинации, предикации, референции, перлокуции, локуции, иллюкуции, десемантизации, порождения языкового конфликта).

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в лексикографической (как основа словаря терминов лингвистической методологии), преподавательской (например, при разработке классических лингвистических курсов «Современный русский язык (лексикология, синтаксис)», «Функциональная стилистика русского языка и культура речи» и специальных курсов «Лингвистическая конфликтология», «Филологический анализ текста», «Риторика», «Активные процессы современного русского языка», «Теория текста», «Теория коммуникации», «Юрислингвистика») практиках, а также при выполнении различных лингвистических экспертиз и непосредственно в судебной деятельности. Материалы диссертационного сочинения могут быть использованы также и в преподавании курсов юридического («Юридическая техника») и документоведческого циклов («Документоведение», «Составление и редактирование юридических документов», «Процессы унификации и стандартизации в сфере документоведения»). Материалы исследования могут быть положены в основу и при разработке учебных семинаров, тренингов для судей и сотрудников аппаратов судов общей юрисдикции. Применение полученных результатов возможно и в процессе составления справочно-нормативных изданий документоведческого характера (методические рекомендации, инструкции по делопроизводству). Приложение к диссертации может быть использовано в учебных и научных целях (для научного руководства студентами и аспирантами, а также при выполнении курсовых, дипломных и диссертационных сочинений по лингвистике), так как известно, что на практике проблемы методологии конкретного исследования нередко остаются неразрешёнными именно в силу недостаточного владения терминологическим аппаратом и соответствующими понятиями.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Основные черты сходства идеологизированных металингвистической и юридической дискурсивных практик наблюдаются в их структуре и в способах оперирования с языком.
2. Структурное сходство двух указанных дискурсивных практик на языковом уровне проявляется в наличии элементов научного стиля, в активной эксплуатации индуктивных и дедуктивных моделей построения доказательств.
3. Структурное сходство на экстралингвистическом уровне проявляется: в феномене «соавторства» («коллективного авторства»); в предельной стандартизации текстов обеих практик, причём в каждом случае названное свойство изначально есть следствие стилевой принадлежности; в

общности эксплуатируемой в этих практиках базовой логической категории, каковой является понятие.

4. Сходства двух указанных дискурсивных практик в способах оперирования с языком проявляются: на уровне знания о мире, где и советский металингвистический дискурс, и современный юридический дискурс характеризуются внутренним алогизмом, аномальностью лексической и грамматической семантики, а также десемантизацией, несоблюдением ряда грамматических правил и аксиом референции; на уровне речевого поведения, где обоим типам дискурсивных практик присущи явления коммуникативного провала, ритуализованного речевого поведения, языкового манипулирования.

5. Языковая идеологизация, обнаруживаемая в анализируемых (и иных) типах дискурсивных практик, прескриптивна, поскольку не устраняется из общекультурного кода вместе с переменами экономического, политического и иного характера, а сохраняется и трансформируется на лингвогенетическом уровне, являясь базовой характеристикой социума.

Структура исследования определена поставленными целью и задачами, а также характером объекта и предмета изучения. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, сопровождается библиографическим списком, включающим источники исследования и научную литературу по теме, и приложением (в котором в алфавитном порядке расположены все встреченные общеметодологические ТЕ и ТЕ лингвистической методологии, а также все текстовые примеры).

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Результаты исследования были представлены на международных научных конференциях: «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, КГУ, 4-7 мая 2007), «Славянские языки и культура» (Тула, Тульский ГУ, 17-19 мая 2007), «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск, Байкальский государственный университет экономики и права, 13-15 июня 2007), «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект (к 100-летию проф. А.М. Иорданского)» (Владимир, ВГПУ, 25-27 сентября 2007), «X Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Москва, МГПУ, 15-17 ноября 2007). Основные положения диссертационного сочинения нашли отражение в 10 публикациях (общим объёмом около 3,4 п.л.), 3 (около 1,7 п.л.) из которых размещены в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора наук. Выработанные рекомендации по составлению судебных документов с 2007 года используются Нижегородским областным судом и некоторыми судами общей юрисдикции Нижегородской области.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель, задачи исследования, обосновывается его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются методы анализа, приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава I. «Дискурсивный анализ: методологические основы исследования» содержит описание этапов становления и методологию *дискурсивного анализа*, его отличие от традиционных для современной науки отраслей, каковыми являются *терминоведение* и *юридическая техника*. В этой же главе рассмотрены методологические основания *лингвистической конфликтологии* и базовые для настоящего исследования понятия: *юридический дискурс*, *юридический язык* и *юридический документ*.

В **первом разделе** реферируемой главы даны дефиниции понятий «дискурс» и «дискурсивный анализ». Так, в настоящем исследовании термин «*дискурс*» используется в двух значениях: 1) как конкретный текст, имеющий лексические, грамматические и семантические характеристики, в его соотношении с прагматической стороной коммуникативного акта; 2) как дискурсивная практика, то есть совокупность произведённых коммуникантами текстов, объединённых тематической общностью и способами оперирования с языком.

Дискурсивный анализ (далее – ДА) представляет собою комплексное лексическое, грамматическое, семантическое и прагматическое исследование совокупности текстов на предмет выявления способов оперирования с языком.

Отмечено, что несомненной базой для развития теории и практики ДА послужили исследования, предпринятые в рамках различных направлений структурализма, явившегося и главным антиподом теории и метода ДА.

Противоречия, на которых вырос ДА, носят, по преимуществу, онтологический и эпистемологический характер и заключаются в определении роли естественного языка в жизни того или иного социума.

Терминоведение и юридическая техника представляют собою разновидность структурного подхода, поэтому в настоящем исследовании, ориентированном на ДА, они применяются с некоторыми ограничениями.

Названные ограничения установлены в рамках **второго раздела** при разборе методологии терминоведения и юридической техники.

Понятие «**юридическая техника**» – традиционное для правоведения – обозначает совокупность средств (правоведческих, логических, лингвистических, документоведческих) и рекомендаций, обеспечивающих и оптимизирующих грамотное составление юридических документов всех уровней.

Однако на практике юридическая техника не способна всесторонне изучить юридический документ. Отсутствие последовательного и постоянного анализа языка юридических документов провоцирует запуск механизма идеологизации и в этой дискурсивной среде.

Третий раздел главы посвящён описанию используемых в работе категорий идеологизации, манипуляции и дезинформации.

Установлено, что понятие **идеологизация языка** (**языковая идеологизация**) в современной науке, по сути, обозначает манипулирование

человеческим сознанием, направленное идеологическое воздействие на адресата путём использования определённых языковых средств. В диссертационном сочинении высказывается предположение, что механизм идеологизации может работать и без цели направленного воздействия на носителя языка (так, например, очевидно влияние «деревянного языка идеологии» (М. Рыклин) на специальные тексты).

Более полному раскрытию понятия «идеологизации» способствует рассмотрение смежных понятий.

Термин «**манипуляция**» (**языковая манипуляция**) отнюдь не нов, исследования в этой области стали уже традиционными (Т.В. Булыгина, Х. Вайнрих, Т.А. ван Дейк, А. Вежбицкая, Г.В. Грачёв, Е.Л. Доценко, С.Г. Карамурза, Н.А. Купина, И.К. Мельник, Э.И. Хан-Пира, А.Д. Шмелёв). Слово «манипуляция», во многом благодаря поистине серьёзному общественному спросу на самые разные технологии успеха и новой науке менеджменту, переросло рамки термина, начав обозначать понятие общезыковое. Закрепились основные черты манипуляции и манипулятора: профессионализм (умелые, ловкие действия) и намеренность действий.

Узкое понимание «манипуляции» провоцирует трудности при классификации таких случаев, когда тот или иной речевой акт, хотя и влияет на волю адресата, но не связан не только с языковым насилием, но даже с интенцией в той или иной форме причинить адресату вред (имеются в виду такие речевые акты, как, например, просьба, предупреждение об опасности, распоряжение (приказ) руководителя и под.).

Любопытен и актуален термин «**дезинформация**». Информация как категория семиотическая обозначает меру возможности выбора: не то, что сказано, а то, что можно вывести из сказанного (У. Эко). Дезинформация – это речевой акт, порождающий для адресата отсутствие выбора, или мнимый выбор, или ложный выбор. Следовательно, чтобы определить само наличие такого явления, как дезинформация, в той или иной дискурсивной ситуации, следует доподлинно знать количество информации; в этом случае расчёт погрешности (шума) будет точен. Таким образом, понятие «дезинформация» едва ли целесообразно использовать при анализе даже отдельного речевого акта, не говоря о дискурсивной практике.

В работе активно используется идея Ю.Н. Караулова о трёх уровнях освоения действительности в слове: *уровне категоризации (уровень знания о мире)*; *уровне системы ценностей (аксиологическом уровне)* и *уровне мотивационно-прагматическом*. **Идеологизация** – это категория, которая отражает процесс «лишения слов их подлинного смысла» (Р. Барт, Р. Блакар, А.В. Михеев), наблюдаемый на всех трёх названных уровнях, при этом пропаганда является лишь частным случаем идеологизации, поскольку не реализуется в узкоспециализированных текстах, в нашем случае – текстах научного и официально-делового стилей.

Идеологизация зачастую приводит к конфликту принципа кооперации и мотивационно-прагматических установок адресанта. Причина такого конфликта устанавливается в рамках лингвистической конфликтологии,

изучающей средства языковой экспликации конфликта, а также иные языковые механизмы – актуализаторы агрессии (насилия или суггестии как разновидностей языковой агрессии). Это направление развилось в рамках юрислингвистики (В.И. Жельвис, О.Н. Матвеева, Б.Я. Шарифуллин).

В работе вводится категория **конфликтности (текста)**, под которой понимается его потенциальная способность быть конфликтным. Данная категория сравнивается с валентностью химического элемента: последний, вне соединения с другим элементом (элементами), обладает нулевой валентностью. Конфликтность текста – в том или ином виде – реализуется в дискурсе точно так, как валентность химического элемента в соединении приобретает значение, отличное от нуля. Приведённые положения позволяют утверждать, что конфликтность, как и идеологизация, имеет прескриптивную сущность, поскольку возможность порождения языкового конфликта заложена в особенностях использования тех или иных единиц языка в тексте и зачастую не зависит от коммуникативного намерения его автора.

В **четвёртом разделе** доказываемся, что понятие «юридический дискурс» шире по своему объёму, чем «юридический язык», так как включает всю совокупность *высказываний на юридическом языке* (в том числе, например, и общение граждан в различных административных учреждениях, когда достижение той или иной цели предполагает языковую перекодировку).

Поскольку в работе используется не свойственная лингвистике терминология, то в **пятом разделе** определяются и такие устоявшиеся в правоведении понятия, как *юридический документ* и *судебное решение*.

Основные положения первой главы можно свести к следующим.

1. За последние тридцать лет толкование понятия «дискурс» не претерпело принципиальных перемен, оно по-прежнему связывает анализ языка с непременным исследованием экстралингвистических факторов (М. Фуко, Н.Д. Арутюнова, В.Е. Чернявская).

Таким образом, *советским металингвистическим дискурсом* считается совокупность практик освоения окружающей действительности с точки зрения советской лингвистики и средствами языка. Под *юридическим дискурсом* понимается совокупность практик освоения окружающей действительности с точки зрения правовых категорий и средствами языка.

2. Принципиальное основание современной теории ДА является положение об индетерминизме естественного языка.

Базовые положения ДА применительно к нашему материалу состоят в следующем.

1. Доказана принципиальная невозможность создания идеального языка (У. Эко и др.).

2. Интересующие нас лингвистическая и юридическая дискурсивные практики, как и любые другие, подлежат ревизии, фальсификации (К.Р. Поппер). Методологической базой этой ревизии служит ДА, основанный на разработках постпозитивизма (М.М. Бахтин, М. Фуко, Р. Карнап, Ж. Деррида и др.).

3. Протокольные суждения, составляющие лингвистическую и юридическую практики, необходимо верифицировать (Р. Карнап).

4. Верификация нашего эмпирического материала должна быть осуществлена на основании данных логического анализа языка и деконструкции (Ж. Деррида). Эти данные существенно дополняют результаты традиционных для языкознания и юриспруденции терминоведения и юридической техники.

5. Приведённые философские основания ДА, на которые сделан упор в настоящей работе, в плане лингвистики ориентируют нас на три учения, взаимно дополняющих друг друга: теорию языковой игры Л. фон Витгенштейна, теорию высказывания М.М. Бахтина и теорию речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Сёрла и др.

6. Именно ДА, как мы его описали, позволит доказать гипотезу исследования, а именно установить общность механизма двух исследуемых практик – механизма языковой идеологизации, то есть направленного или спонтанного воздействия на адресата путём использования определённых языковых средств.

Глава II «Особенности функционирования терминологизированных средств в текстах по лингвистической методологии советского периода» посвящена описанию лексико-семантических, грамматических и лингвопрагматических особенностей функционирования терминов, называющих методы (81 единица), методики (62 единицы) и приёмы (108 единиц) отечественной лингвистики.

Первый раздел главы описывает принципы составления Материалов для словаря лингвистической методологии, представленных в Приложении. Здесь же обстоятельно раскрываются преимущества обращения к формам материалов для словаря и хрестоматии.

Эвристический потенциал комплексного дискурсивного исследования раскрывается в начале **второго раздела**, когда описывается функционирование *ТЕ, связанных с анализом по непосредственно составляющим*, и *ТЕ лингвистики универсалий* в коллективной монографии «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований» (1973) – канонического для методологии советской науки о языке труда.

Проведённое исследование выявило следующие особенности. Для ТЕ анализа по непосредственно составляющим характерны: повторная номинация понятия, нарушение аксиом референции (*аксиомы существования* – обязательность денотата, *аксиомы идентификации* – адресант обязан идентифицировать объект для адресата и *аксиомы тождества* – объект коммуникации должен оставаться одним и тем же). Для ТЕ лингвистики универсалий: несоответствие коммуникативной цели и лексической и грамматической сторонам речевого акта, нарушение аксиомы идентификации (так, авторы, вовлекая в зону предикации понятия «классификационные приёмы» и «мысленный эксперимент», никак их не объясняют).

Из описанных фактов делается вывод о том, что непонятный, дезориентирующий адресата текст, даже если он и не имеет к тому

сознательной интенции автора, является конфликтным, так как приводит к провалу коммуникативного акта. Конфликтогенность заключают в себе и тексты, посвящённые описанию самых традиционных для методологии лингвистики понятий.

Любопытны дискурсивные особенности функционирования заимствованных ТЕ. В работе, в частности, разбираются ТЕ дистрибутивного анализа: «*приём позиционного анализа*», «*позиционный анализ*», «*дистрибутивный метод*», «*анализ по непосредственно составляющим (НС)*», «*дистрибутивные приёмы*», «*дистрибутивная методика*», «*катализ*», «*позиционный анализ*», «*дистрибутивный анализ*», «*основной принцип дистрибутивного анализа*», «*метод дистрибутивного анализа*», «*дистрибутивный анализ в собственном смысле слова*», «*методика речевой и языковой дистрибуции*», «*дистрибутивная методика*».

Краткий обзор основных источников позволяет констатировать существенную неупорядоченность терминов лингвистической методологии даже в пределах одной из подгрупп. Названная неупорядоченность экстралингвистична и интердисциплинарна – в этой связи крайне важным становится прагматический аспект изучения данной группы ТЕ. Именно в свете изучения мотивационно-прагматических установок личности (в нашем случае – автора того или иного текста) представляется возможным доказать, что приведение данной терминосистемы к единообразию с помощью традиционных методов является принципиально невозможным.

Рассмотрение текстов по дистрибутивному анализу в плане прагматики позволило выявить следующее:

1) Существуют лишь *формальные* основания считать каждый последующий текст очередной попыткой унификации терминологического аппарата данной группы: автор текста вводит новый термин для обозначения, так сказать, старого денотата или уточняет уже функционирующую терминологическую единицу. В некоторых случаях наблюдается одинаковая (или сходная) предикация при разных референтах, другими словами, одно и то же понятие *без необходимости* называется разными терминами.

2) Вновь, как в примере с методом непосредственно составляющих, мы имеем дело с повторной номинацией.

Цель любого нормального общения, согласно *принципу кооперации*, – достижение взаимопонимания. Продукт нарушения принципа кооперации в научной коммуникации – *лишние* термины, дефинировать которые не имеет смысла. Для лексикографической работы крайне необходимо предусмотреть создание некоего вспомогательного *фильтра*, который помог бы исследователю не пропускать в *кодифицирующий* труд подобные примеры. Таким фильтром могут стать максимы Грайса. Применение этих постулатов позволит существенно снизить противоречия номинации и предикации Нулевым этапом работы лексикографа по изучению ТЕ лингвистической методологии вполне может стать создание механизма, позволяющего отсеивать языковой материал (ТЕ и текстовые примеры их употребления) – любой другой способ унификации данных единиц почти всегда приводит к новой путанице.

Руководствуясь полученными в ходе анализа результатами, сделаны основные выводы по главе.

1. Нами установлено, что идеологизация *на аксиологическом уровне* для методологии лингвистики в целом не характерна.

2. На *уровне знания о мире* советский металингвистический дискурс характеризуется внутренним алогизмом, аномальностью лексической и грамматической семантики и *десемантизацией*, то есть употреблением слов и выражений так называемой «пустой» семантики. Упомянутые черты, в частности, являются результатом:

1) (в плане логики) нарушения аксиом референции, причём повторную номинацию (*метод непосредственно составляющих – принцип непосредственно составляющих – анализ по непосредственно составляющим*) следует считать результатом несоблюдения аксиомы тождества; истолкования одного неизвестного через другое (в пример могут быть приведены разобранные нами заимствованные ТЕ);

2) (в плане семантики и грамматики) конструированием новых лексических значений (например, у термина «метод»), синонимов, в меньшей степени – вариантов; использованием слов и словосочетаний-расширителей семантики, ставящих под сомнение точность дефиниции (*нередко, в значительной степени, большей частью*); наличием немотивированного числового варьирования ТЕ; неоправданной сложностью синтаксической конструкции (однородные члены, обособленные члены, различные типы придаточных), создающей иллюзию научности и конкретизации.

3. На *поведенческом уровне* идеологизация проявляется в коммуникативном провале некоторых текстов лингвистической методологии. Адресант – в силу своей некомпетентности, либо имея манипулятивную установку, либо действуя с целью защитить текст – задаёт не соответствующую действительности область референции, при этом его реплика, в любом случае не способствуя коммуникативному успеху, приобретает черты обрядовые, маркирует ритуализованное и (или) эстетизированное речевое поведение.

4. Поскольку в каждом случае интенциональные установки автора метатекста не могут быть определены наверняка⁶, то перечисленные выше дискурсивные особенности следует признать результатом работы механизма идеологизации, имеющего *прескриптивный* характер, то есть такой, который обусловлен экстралингвистически: *языковым инстинктом* (S. Pinker). Данный вывод подтверждает гипотезу диссертационного исследования.

Глава III «Особенности функционирования терминологизированных средств в действующих российских юридических документах» описывает лексико-семантические, грамматические и лингвопрагматические особенности функционирования терминосистемы действующих российских юридических документов.

⁶ Ими могут быть: агрессия; суггестия; стремление дать максимально точную дефиницию; задача, затронув по велению моды или традиции заданную тему, затем ловко уклониться от неё, не обнаружив собственную некомпетентность, и прочее, а равно отсутствие всего перечисленного среди мотивационно-прагматических установок адресанта.

Специфика дискурсивного анализа отдельных видов юридических документов обозначена в **первом разделе** и обусловлена тем, что юридический язык в существенной мере ориентирован на диалог – между законодателем и гражданином, между правоприменителем и участником тех или иных правоотношений, наконец, между различными юридическими документами. Таким образом, каждый юридический документ – это реплика в диалоге.

Второй раздел содержит описание особенностей функционирования терминологизированных средств в Уголовном кодексе РФ и связанных с ним нормативных правовых актах РФ.

Третий рассматривает объект исследования в уголовно-процессуальных документах.

В **четвёртом разделе** на примере имевшего место в судебном заседании провального речевого акта (один из коммуникантов, соглашаясь со сказанным его визави, полностью перечёркивает собственные мотивационно-прагматические установки) доказываются целесообразность и перспективы дискурсивного исследования коммуникации в судебном заседании, когда цена непонимания очень высока.

Пятый раздел суммирует выводы, полученные во втором и третьем. Юридический дискурс представляет собою «мозаику цитат» (Ю. Кристева), постоянно используя, во-первых, метаязык других отраслей (медицины, баллистики, кадастра, бухгалтерии, информатики и т.д.), во-вторых, тексты авторов с различной языковой компетенцией (от экспертного заключения до показаний свидетеля). Наличие межтекстового взаимодействия множественных источников обеспечивает предельную информативность – оно не просто участвует в генерировании смысла отдельного юридического документа, но является принципом, формирующим юридический дискурс.

Актуализуется **аксиологический уровень** освоения действительности в слове. В юридический дискурс всегда оказываются вовлечены коммуниканты, находящиеся в состоянии более или менее эксплицированного спора (законодательная воля, выраженная в том или ином акте, вступает в конфликт с желаниями граждан; тяжба о праве). Наиболее распространённый способ защиты в споре – попытка отнести себя к конкретной группе, «лагерю», определить «чужих». Лингвистическая реализация названных установок в юридическом дискурсе проявляется в том, что номинативная функция единиц речи подменяется оценочной. Например, написанное или произнесённое сочетание **в пункте таком-то постановления Пленума ВС РФ сказано то-то* часто не порождает у коммуниканта желания верифицировать его и, следовательно, может содержать ложную информацию; оно по сути *не называет* высший суд РФ и не даёт ссылку на достоверный источник информации, а положительно *характеризует* позицию автора речи, относит его к кругу посвящённых, «наших».

Уровень категоризации здесь также характеризуется внутренним алогизмом, десемантизацией, аномальностью семантики.

Часть причин, объясняющих названные особенности, сходна с таковыми в случае с языком лингвистики и состоит в **несоблюдении правил грамматики и законов референции** вследствие:

1) использования неистолкованных ТЕ из самых разных областей (*стеночный тип реагирования, оффиорная зона, брыжейка тонкой кишки*);

2) использования ТЕ, которые в силу своей общей употребительности не воспринимаются адресатом как таковые (*банда, вменяемость, садизм*);

3) использования фантомов (*изменение обстановки, разумность, соответствующий*);

4) использования лексико-грамматических маркеров, сигнализирующих о нечётком ограничении объёма толкуемого понятия, события (*и т.д., может также характеризоваться, другие коррупционные действия*);

5) неадекватного и прагматически немотивированного использования возможностей грамматической системы русского языка (превращение самостоятельных слов формально-служебные: *заботиться – иметь заботу, бороться – вести борьбу, попытаться – сделать попытку*);

6) использования штампов (*с целью предупреждения Б. об опасности и оказания помощи скрыться с места преступления*);

7) нагромождения одинаковых падежей (*связанным с преступлением, совершённым лицом, наделённым правом*);

8) неоправданно сложного синтаксиса: осложнений разного рода, «нанизывания» однородных членов (*корыстная или иная личная заинтересованность*) и ложной неоднородности (*организованная устойчивая вооружённая группа*).

Комизм как коммуникативный эффект юридического документа в любом случае влечёт недоверие к автору.

В ряде случаев логические, грамматические, лексические особенности, факты «речевой недостаточности» нельзя квалифицировать как ошибки. Рассматриваемые речевые факты оправданы дискурсивно и не влекут коммуникативного провала (вследствие недостатка или избытка информации, сложности формального выражения).

Так, например, терминологизированное использование единиц общегражданского лексикона нередко облегчает профессиональное общение (*выгода, низменный, злоупотребление*). Следует также обратить внимание на то, что общеупотребительные лексемы не являются заимствованиями, а это упрощает процесс коммуникации.

В основе очень многих норм Особенной части УК РФ лежит зевгматический принцип построения предложений. К примеру, в проанализированной нами предельно осложнённой синтаксически статье 141.1 УК РФ («Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума») гипозевгма (при сказуемом *наказываются*) не воспринимается

как избыточная конкретизация, но максимально способствует передаче уголовно-правовой информации.

Штампы, пунктуационные ошибки, графические аномалии в ряде случаев не результат низкой языковой компетенции авторов, а дискурсивные особенности предельно стандартизированной юридической практики.

Наконец, характеристика **мотивационно-прагматического уровня** юридической дискурсивной практики сходна с таковой у метаязыка лингвистики. На наш взгляд, здесь в ещё большей степени реализуется игровое начало и, как следствие, ритуализованное речевое поведение.

Глава IV «Советская лингвистическая и современная юридическая дискурсивные практики: общность и различия» является резюмирующей для двух предыдущих глав.

Рассмотренные дискурсивные практики, имея общую гуманитарную направленность и будучи в этом смысле противопоставленными метаязыкам точных наук, языку искусственного интеллекта и прочим подобным семиотическим системам, вместе с тем считаются полярно расположенными.

Труды по методологии языкознания – эталон научной коммуникации, продукт работы элитарной лингвистической мысли, они формируют и направляют все проводимые исследования языка.

Юридические документы – это тексты, имеющие либо «коллективного автора» (нормативный акт), либо принципиально неограниченное множество авторов, в числе которых оказываются и профессиональные юристы, и рядовые граждане (судебный акт). Эта природа юридического документа делает его феноменом постструктурализма, конгломератом многих функциональных стилей. Речевые особенности такого документа уже не могут быть описаны привычными средствами лингвистики, поскольку та или иная аномалия семантического, грамматического или стилистического плана обозначает в конкретных дискурсивных рамках не ошибку, а характерную особенность и (или) структурный признак.

В **первом разделе** рассмотрены лингвистические и экстралингвистические особенности структуры двух дискурсивных практик.

1. Структурные особенности: лингвистический аспект.

Основная черта языкового сходства – это наличие элементов научного стиля (юридический дискурс использует средства научного стиля не всегда, а тогда, например, когда требуется истолковать правовую догму: при раскрытии состава каждого преступления, нормы права). Соответственно, оба дискурса активно эксплуатируют индуктивные и дедуктивные модели построения доказательств.

Основным лингвистическим оператором обеих практик являются термины и их дефиниции, имеющие дискурсивную репрезентацию – выбор языковой модели построения высказывания зависит по сути от того, в левой или в правой части дефиниции размещена исходная точка рассуждения – точка начала вербальной коммуникации.

В рамках обоих дискурсов модель научного построения высказывания считается наиболее желанной и в большей степени соответствующей любому

коммуникативному намерению (доказать, убедить или разубедить (посеять сомнение), склонить к принятию чужой позиции по обсуждаемому вопросу, спровоцировать нужный результат, передать информацию либо сокрыть её, обмануть и т.п.).

2. Структурные особенности: экстралингвистический аспект.

В плане экстралингвистическом на структуру двух дискурсов влияют три фактора. Во-первых, «соавторство» («коллективное авторство»): юридический документ вполне официально является не просто плодом коллективного труда – нередко в нём безошибочно можно определить автора того или иного структурного элемента (речь здесь, естественно, идёт не о персоне, а о роде деятельности и процессуальном статусе: законодатель, суд, орган следствия или дознания, истец и т.д.).

Присутствие в научном дискурсе таких разновидностей интертекста, как цитата (в том числе и автоцитата), примечание (включая все виды сносок, аннотацию, комментарий), приложения разных видов (например, библиографический список), вынуждает признать интертекстуальное взаимодействие в качестве основы и научной коммуникации в целом.

Второе, на что здесь следует обратить внимание, – это *предельная стандартизация* текстов обеих практик, причём в каждом случае названное свойство изначально есть следствие стилевой принадлежности.

Определив вторую особенность как следствие факторов лингвистических, мы сознательно поместили её в блок экстралингвистических, поскольку в ходе проведённого анализа (материалы второй и третьей глав) выяснили, что форма, в силу своей частотности, традиционности становясь прескриптивной, выдвигается на первый план коммуникации и уже не требует не только соответствующего содержания, но и какого бы то ни было семантического наполнения (таковы, например, конструкции с одинаковыми падежами, десемантизированные единицы, штампы).

Третья особенность – это общность *базовой логической категории*, каковой является понятие; на лингвистическом уровне оно соотносится с дефиницией термина. Понятия – это основные компоненты экстралингвистических компонентов исследуемых дискурсов.

Второй раздел посвящён описанию особенностей оперирования языком. Названные особенности, как это делалось и ранее, рассмотрены на трёх уровнях.

1. Аксиологический уровень.

В ходе анализа, предпринятого во второй главе, было установлено, что идеологизация на уровне системы ценностей для методологии лингвистики в целом не характерна.

В случае с юридическим дискурсом идеологизация на аксиологическом уровне, напротив, актуализуется. Юридический дискурс всегда предельно конфликтен, поскольку в ходе коммуникации в той или иной форме разрешается *спор* о праве, получающий вербальную экспликацию. Не случайно в юридическом дискурсе терминологизируются такие антонимы, как *правосудность* – *неправосудность*, *законность* – *незаконность*,

обоснованность – необоснованность, справедливость – несправедливость. ТЕ становятся и общеупотребительные негативно коннотированные лексемы (*спор, тяжба, жалоба, волокита*), стилистическая окраска при этом фактически нейтрализуется.

Особенности речевого восприятия заимствованного *метода непосредственно составляющих* наглядно характеризуют то место в системе ценностей, которое отводит советское языкознание американской лингвистике.

В разобранных примерах нет оценочности, однако и эти тексты следует признать идеологизированными. Общественная и политическая обусловленность жёсткого соотнесения идеи по принципу «своя – чужая» становится слабее, однако дискурсивная практика продолжает диктовать модели речевого поведения.

Тенденция обезопасить свой текст, свою позицию является, как мы выяснили, панхронической коммуникативной целью, а механизм идеологизации позволяет реализовать эту цель вне политического дискурса.

Например, ссылка одного из коммуникантов на непререкаемый авторитет (Пленум ВС РФ, КС РФ, ВАС РФ) часто не порождает у его визави, казалось бы, естественного желания верифицировать принятое сообщение, которое в принципе может содержать ложную (в том числе и заведомо ложную) информацию. Такая ссылка по сути *не номинирует* высший суд РФ, не указывает на его мнение в ряду других, а однозначно и положительно *характеризует* позицию автора речи, относит его к «своим». Апеллирование к авторитету, как мы выяснили, проявляется не только на лексическом уровне, но и в особенностях графики и орфографии (в тенденции использования, вопреки правилам русского языка, прописных букв, которая оказывается семиотически и мотивационно-прагматически обусловленной).

Несмотря на то обстоятельство, что идеологизация на аксиологическом уровне была признана в целом не релевантной для описания терминов лингвистической методологии, она всё же встречается в научной лингвистической коммуникации. *Непререкаемыми авторитетами* здесь выступают как учёные, так и коллективные труды, пользующиеся всеобщим уважением.

2. Уровень категоризации.

На уровне знания о мире советский металингвистический дискурс и современный юридический дискурс характеризуются внутренним алогизмом, аномальностью лексической и грамматической семантики, а также *десемантизацией*, – то есть обладают типологическими особенностями советского дискурса.

Итак, две интересующие нас дискурсивные практики оказываются типологически сходными друг с другом и такими статусно-ориентированными типами дискурса, как политический и религиозный. Такое сходство проявляется в комплексе характеризующих черт.

К аномалиям следует отнести несоблюдение грамматических правил и аксиом референции:

1) отказ от толкования вводимых ТЕ, значение которых не может быть выведено из контекста, включая случаи толкования одного неизвестного через другое (например, понятие *трансформационный метод* определяется В.И. Кодуховым посредством ТЕ *ядерные конструкции* и *трансформации*).

В первом случае, как видно, в задачу юридического дискурса и не входит цель дать функционирующим ТЕ толкование – ни судебное решение, ни нормативный акт, ни экспертное заключение, ни любой другой документ данной практики не истолковывают ТЕ собственной отрасли знания (в тех, конечно, случаях, если нет спора о терминах, способного повлиять на исход дела). Истолковывать каждый раз новую ТЕ, ориентируясь на «простеца», – означало бы так перегрузить документ лишней информацией, что восприятие его стало бы практически невозможно.

Любое учебное или научное пособие, к каковым относится и специальная лингвистическая литература, являясь справочным изданием, обязано идентифицировать объект речи (дискурсивное событие) для адресата (в том числе – потенциального). Осознанное невыполнение этого условия порождает сомнение в искренности автора. Но поскольку доказать сознательное коммуникативное намерение зачастую не представляется возможным (как в случае с толкованием неоднократно разбираемых ТЕ лингвистической методологии), то можно утверждать, что во всех подобных ситуациях коммуникативным эффектом будет сомнение в компетентности автора и недоверие к тексту в целом;

2) использование ТЕ, которые в силу своей общей употребительности не воспринимаются адресатом как таковые. Следует отметить, что в обращении к такой лексике есть и плюсы и минусы. С одной стороны, рядовому носителю языка оказывается легко определить семантику слов общеупотребительных (*злоупотребление*, *низменный*, *изнасилование* – *насильственное действие сексуального характера* – *развратное действие*), с другой же стороны, подобное восприятие приводит к непониманию специального значения, так как область референции в различных дискурсах (обыденном и юридическом) неодинаковая.

Показательный пример названного процесса в методологии лингвистики – споры о том, какое исследовательское действие (комплекс действий) считать методом, какое – методикой, какое – приёмом, как соотносятся *типологический метод*, *метод типологизирования* и *приём типологической характеристики* и проч. В названных и подобных ситуациях спор о терминах парадоксальным образом выходит на первый план, тогда как задача исследования языка уходит из поля зрения учёных. Нередко методология языкознания называет термином то, чему впоследствии не приписывает специального значения (*метод анкетирования*, *наблюдение*, *самонаблюдение*, *метод опроса*, *счёт*, *эксперимент*);

3) использование ТЕ-фантомов. В лингвистическом метаязыке особое место занимают слова *соответствующий* и особенно *определённый*: «*Различные языковые единицы, будучи членами определённой системы, могут преобразовываться (трансформироваться) друг в друга, как бы «порождать»*

друг друга по определённым, предписываемым системой правилам» (И.П. Распопов). «Определённый» в этом и подобных текстах принимает значение «неопределённый».

4) использование лексико-грамматических и лексико-семантических маркеров, сигнализирующих о нечётком ограничении объёма толкуемого понятия, события. Иногда такие маркеры могут поставить под сомнение точность определяемого явления: *«На аспектах основываются различные отрасли определённой науки, например, такие отрасли языкознания, как фонетика, фонология, лексикология, морфология, синтаксис, диалектология и т.д., фактически изучают язык в определённом аспекте»* (упомянутая монография «Общее языкознание» 1973 года). Из приведённого примера не ясно, основываются ли все отрасли языкознания на аспектах: если да, то непонятно, зачем тогда их перечислять, а если нет – то какие не основываются. Приведённый пример может показаться смешным, однако вряд ли подлежит доказательству утверждение о том, что в каждое употреблённое слово несёт свою функцию в дискурсе, даже привычное сокращение «и т.д.», которое, как мы убедились, заключает порою в себе не лексическое значение, а семантику знака препинания.

Характеризуя понятие «особая жестокость» Пленум ВС РФ использует ряд синонимических понятий, призванный предельно уточнить названный уголовно-правовой феномен. Выше было доказано, что прагматическом смысле употребление сокращения «и т.д.» после ряда уточняющих однородных дополнений оправданно, поскольку автор осознанно предусматривая возможность ситуации, иной по сравнению с описанными.

5) неадекватное и прагматически не обусловленное использование возможностей грамматической системы русского языка (превращение самостоятельных слов формально-служебные: *«По месту работы Ш. характеризуется положительно, не выпивает, не опаздывает, проявляет отзывчивость, имеет заботу (вместо «заботится») о старших», «Пока М-ва прятала похищенное, М-в и С. продолжали вести борьбу (вместо «бороться», «драться») у ручья», «Производится выделение основных для структуры говоров (вместо «выделяются основные... говоры») данного языка территориальных величин»* («Общее языкознание»)).

6) использование штампов. В предложении *«Ю., действуя на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, подверг избитию Б., нанеся ему множественные удары руками и ногами по голове и другим частям тела»* совмещены сразу две характерные черты: штамп («действуя на почве...») и немотивированная замена глагола на глагольно-именное словосочетание («подверг избитию» вместо «избил»). В тексте лингвистики штамп «с целью + Gen.» совмещается со случаем немотивированной замены глагола («классифицировать») аналогичным предыдущему сочетанием («осуществлять классификацию»): *«Анализ кластерный (классификационный эксперимент) – лингвистическое интервьюирование информантов с целью осуществления необходимой*

исследователю классификации данных единиц по какому-либо одному основанию» (Т.Х. Каде).

7) нагромождение одинаковых падежей: ... действием, связанным с преступлением, совершённым лицом, наделённым правом осуществлять...; ...путём установления степени известности отдельных семантических компонентов носителями языка с целью представления компонентной структуры значения слова, выявления доминирующих и вероятностных сем, общеизвестных и малоизвестных семантических компонентов слова... (Т.Х. Каде).

8) неоправданно сложный синтаксис и речевая избыточность, призванные создать ауру научности, иллюзию максимально информативного объяснения: *«Дистрибутивно-статистический анализ – анализ, основанный на учёте лексической сочетаемости единиц в статистически достоверном по объёму тексте, фиксирующий все те элементы дистрибуции заданных единиц, которые служат проявлением конкретных семантических признаков (частотность в процентах) зарегистрированных в обследованном тексте словоупотреблений, сочетающихся с заданными единицами и обладающих указанными семантическими признаками, дающий возможность представить модель... лексического значения... как динамическое явление, оптимально согласующее факты языка и речи»* (Т.Х. Каде).

Та же черта является характеризующей и для юридического дискурса. В доказательство приведём лишь одно предложение, взятое нами из мотивировочной части определения Конституционного суда РФ от 21 октября 2008 года №510-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давитидзе Левана Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 402, 403, 407-410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»:

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие производство в надзорной инстанции, действуя в системной взаимосвязи с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности его статьи 7, не предоставляют суду надзорной инстанции возможность игнорировать или произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя фактические и правовые основания отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения суда во всяком случае должна основываться на конкретных обстоятельствах, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального права, - иначе объективное и справедливое разрешение уголовного дела не может быть обеспечено.

На деле лексико-грамматические приёмы конкретизации лишь затемняют смысл высказывания, затрудняя восприятия даже самой заурядной информации (как, например, в приведённом определении КС РФ). Заметим, практически все документы КС РФ отличаются повышенной сложностью восприятия,

перекодировки – это обстоятельство постоянно отмечается действующими судьями.

Вместе с тем вспомним, что сложная гипозевгматическая структура многих статей Особенной части УК РФ (наиболее показательна в этом смысле разобранная статья 141.1 УК РФ) вполне оправдана в прагматическом плане.

Особо можно отметить прагматически бессмысленное «нанизывания» однородных членов (*корыстная или иная личная заинтересованность*) и ложной неоднородности (*организованная устойчивая вооружённая группа*).

9) речевая недостаточность. В предыдущей главе мы привели немало примеров этого явления в юридической дискурсивной практике – в металингвистическом дискурсе оно встречается существенно реже. Перед нами два толкования ТЕ «компонентный анализ».

- *«Компонентный анализ... опирается на парадигматические связи в системе. | Компонентный анализ был разработан и используется в основном как метод раскрытия семантики слов, но применялся и в других областях лингвистики, например, в фонологии, где фонема представлялась как связка или пучок различительных (дифференциальных) признаков на основе ряда их бинарных противопоставлений. Метод... оказался плодотворным и в морфологии и в синтаксисе. | Но особенное развитие этот тип анализа получил применительно к семантике слов...» (И.В. Арнольд).*

- *«Компонентный анализ – сопоставительный... анализ наборов компонентов (дифференциальных и интегральных признаков) плана содержания (чаще на предметно-логической основе) в совокупности исследуемых однородных языковых единиц (фонем, лексем...), с помощью которых одни единицы различаются между собой, другие объединяются в группы (или совокупности)...» (Т.Х. Каде).*

Несмотря на обилие вставных конструкций во втором фрагменте, формально призванных уточнить понятия, вовлекаемые в область референции, текст остаётся непонятым (не объясняется контекстное значение уточняющих нетривиальных ТЕ: «дифференциальный (интегральный) признак»; не раскрывается связь между «планом содержания» и «предметно-логической основой», вместе с тем эта связь не является очевидной; непонятно также, являются понятия «группы» и «совокупности» тождественными или между ними дизъюнктивные отношения). Первый фрагмент с очевидностью лишён указанных недостатков, напротив, для облегчения восприятия автор не просто использует широко употребляемые в лингвистике понятия, но и иллюстрирует текст примером.

На уровне категоризации существуют и особенности, характеризующие только одну из анализируемых нами дискурсивных практик – юридическую. К таким особенностям относятся: явные логические и грамматические ошибки, ошибки в выборе лексемы, тавтологии, неправильный порядок слов в предложении, пунктуационные и орфографические ошибки. Названные особенности можно объяснить объективными причинами, лежащими в области экстралингвистической: во-первых, тем, что юридический документ имеет принципиально много авторов, и, во-вторых, существенно более низкой

языковой компетенцией этих авторов (по сравнению с авторами работ по методологии языкознания). Однако, поскольку любое дискурсивное событие имеет и внеязыковую отнесённость, приведённые характеристики следует признать типологизирующими – ровно в той же мере, в какой отсутствие этих характеристик образует дискурс советской лингвистики (значимое отсутствие).

3. Мотивационно-прагматический уровень.

Поведенческий (деятельностный) уровень по традиции связывают с прагматикой языка. С этой точки зрения оба дискурса, как было доказано, нередко характеризуются коммуникативным провалом – следствием актуализации описанных выше языковых механизмов, которые в совокупности мы назвали идеологизацией.

В ходе проведённого дискурсивного анализа выяснилось, что работа механизма идеологизации далеко не всегда является результатом манипулятивной интенции или актом языковой агрессии адресанта, который ведом языковой системой и, защищая создаваемый текст, путает области референции. Воспроизведение в дискурсивной ситуации той или иной языковой формулы становится самоцелью, приобретает черты обряда и может вовсе не нести информации (нести ложную информацию) о концептуализируемой в дискурсе действительности (примеры с произнесением/написанием формулы **в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации*, использованием сложных синтаксических структур, создающих наукообразие и под.). Такое речевое поведение в лингвистической прагматике принято называть ритуализованным.

Воспроизведение «обрядовых» форм и формул может не иметь интенции в той или иной степени манипулировать адресатом – единственная цель ссылки на какой-либо прецедентный текст (монографию известного учёного, постановление Пленума ВС РФ, уважаемое справочное издание) заключается в самом воспроизведении текста, которое показывает принадлежность адресанта к определённому дискурсивной ситуацией *кругу посвящённых*. В подобных случаях, когда степень конфликтогенности остаётся равной нулю, перед нами пример эстетизированного речевого поведения.

Ритуализованный и эстетизированный типы речевого поведения в рамках каждой анализируемой дискурсивной практики способствуют языковой игре, стратификации коммуникантов по социальному, профессиональному, идейному признакам. Надлежит сказать, что в юридическом дискурсе, где позиции коммуникантов обозначены прямее, резче, игровое начало реализуется в большей степени.

Наконец, было установлено, что даже самый скрупулёзный дискурсивный анализ не способен каждый раз со стопроцентной точностью определить мотивационно-прагматические установки автора метатекста. Такое положение вещей вызвано объективной причиной – прескриптивным характером идеологизации и индетерминизмом естественного языка.

В **Заключении** излагаются основные выводы диссертационного исследования; перспективы начатого исследования связываются, во-первых, с развитием теории языкового конфликта и вопросами экспликации категории

конфликтности в юридическом дискурсе, во-вторых, – с рассмотрением феномена судебного заседания как особого вида юридической дискурсивной практики в рамках теории языковой игры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

**Научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

1. *Босов, А.Е.* Дискурсивный анализ языка судебного решения по уголовному делу: сущность и перспективы / А.Е. Босов // Уголовное право. – 2009. – №1. – С. 66-71. (0,6 п.л.)
2. *Босов, А.Е.* Термины группы «соучастие» в языке современного российского уголовного закона (опыт дискурсивного анализа) / А.Е. Босов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (секция «Филология и искусствоведение»). – 2009. – №2. – С. 253-258 (0,6 п.л.)
3. *Босов, А.Е.* Юридический язык и юридический дискурс: сущность и особенности анализа / А.Е. Босов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – №1(2). – С. 25-28 (0,5 п.л.)

**Опубликованные доклады, представленные на научных
конференциях, и статьи в научных сборниках**

4. *Босов, А.Е.* К вопросу об идеологизации советского метаязыкового дискурса / А.Е. Босов // XI нижегородская сессия молодых учёных. Гуманитарные науки: Тезисы докладов. – Нижний Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2007. – С. 133-134. (0,1 п.л.)
5. *Босов, А.Е.* Конфликт принципа кооперации и мотивационно-прагматической установки автора метатекста: синтаксический аспект / А.Е. Босов // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: В 2 т. – Казань: Изд-во КГУ, 2007. – Т. I. – С. 42-44. (0,2 п.л.)
6. *Босов, А.Е.* Особенности словарного описания терминов лингвистической методологии / А.Е. Босов // Альманах современной науки и образования: В 3 ч. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. – Тамбов: Грамота, 2007. – Ч. II. – С. 55-57. (0,3 п.л.)
7. *Босов, А.Е.* Проблема квалификации механизма метаязыковой идеологизации как компонента культурного кода эпохи / А.Е. Босов // Языковые средства и способы кодирования культурных знаний: В 2 т. – Тула: Петровская Гора, 2007. – Т. II. – С. 66-69. (0,3 п.л.)
8. *Босов, А.Е.* Некоторые особенности исследования советского метаязыкового дискурса / А.Е. Босов // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: В 3 ч. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – Ч. 3. – С. 20-24. (0,3 п.л.)

9. *Босов, А.Е.* Немотивированное числовое варьирование терминов в метаязыке лингвистики / А.Е. Босов // Грамматические категории и единицы. – Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007. – С. 66-69. (0,2 п.л.)

10. *Босов, А.Е.* Конфликтогенность текста как объект лингвистической конфликтологии / А.Е. Босов // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: В 2 ч. – М.: Изд-во МГПУ, 2007. – Ч. I. – С. 84-88. (0,3 п.л.)